

зУДК 343.1

*Л.Г. Татьяна, Е.В. Марковичева***ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

В статье раскрываются особенности нормативного закрепления процессуального статуса законного представителя в российском уголовном процессе. Авторы акцентируют свое внимание на проблемах следственной и судебной практики, связанных с недостатками действующего законодательства. Определен круг наиболее важных вопросов, требующих скорейшего решения. Особое внимание обращается на необходимость урегулирования проблем, возникающих при наличии противоречий между законным представителем и представляемым им лицом, что порождает, с одной стороны, основания для обжалования постановленных решений, а с другой – конфликт между указанными участниками, который может отразиться на их последующих отношениях. Отсутствие единой нормы, регламентирующей права законных представителей, вызывает на практике вопросы о возможности их участия при производстве отдельных следственных и процессуальных действий, заявления ходатайств и т.д. Обращается внимание на неурегулированность в законе обязанностей законного представителя в уголовном судопроизводстве, что создает спорные ситуации при оценке их поведения особенно при принятии решений об их отстранении от участия в деле. В статье сформулирован вывод относительно необходимости разработки единой универсальной модели законного представительства в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, законный представитель, несовершеннолетний, принудительные меры медицинского характера.

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-669-673

Российское уголовное судопроизводство традиционно рассматривается как малодифференцированное. Для такой его оценки есть достаточно оснований, поскольку даже в XXI в. специфика производства по отдельным категориям уголовных дел и в отношении определенных субъектов не привела к существенной трансформации уголовно-процессуальной формы и нормативному закреплению особых процессуальных правил, позволяющих как оптимизировать сам уголовный процесс, так и более эффективно обеспечить права и законные интересы его участников. Общей тенденцией для оптимизации уголовного судопроизводства в большинстве современных государств стало ускорение и упрощение отдельных производств, позволяющих решить сразу несколько задач, связанных с процессуальной экономией, снижением уровня репрессивности уголовной политики, более активным использованием альтернативных уголовному преследованию процедур. Соответственно, в эту плоскость перемещаются и исследовательские интересы ученых. Однако при этом из поля зрения законодателя, правоприменителя и ученых необоснованно выпадают проблемы, давно и прочно связанные с усложненными порядками производства. В российском уголовном процессе – это производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Хотя особенности расследования и рассмотрения уголовных дел указанных категорий фиксировались еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [5. С. 11-13; 7. С. 1433-1439], а обоснованность их выделения не оспаривалась даже советскими сторонниками концепции единой уголовно-процессуальной формы [10. С. 63], гарантии прав участников таких производств во многом остаются «большим» местом современного отечественного уголовного процесса.

Специфика особых усложненных порядков производства в современном уголовном процессе России отражается в нормах, образующих институт законного представительства интересов несовершеннолетнего и лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Специальные нормы, содержащиеся в гл. 50 и 51 и ряде иных статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), закрепляют некий механизм участия законных представителей таких лиц в досудебном и судебном производстве и в целом направлены на повышение уровня защищенности тех субъектов, которые, в силу возраста или состояния психического здоровья, могут испытывать сложности с реализацией процессуальных прав.

Однако современная нормативная модель законного представительства имеет ряд существенных недостатков, затрудняющих деятельность как органов предварительного расследования, так и суда и приводящих, в том числе, к отмене судебных решений.

Следует сразу оговориться, что проблемы регулирования на уровне уголовно-процессуального законодательства вопросов законного представительства связаны не только с качеством УПК РФ, но и с необходимостью решения изначально сложной задачи по переносу частнопроводного института в особую отрасль публичного права.

Правовая конструкция законного представительства достаточно успешно регулируется в рамках гражданского права (и смежных отраслей), а в соответствующие правоотношения действующее российское законодательство вовлекает широкий круг участников: родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, несовершеннолетних, недееспособных и ограниченно дееспособных граждан, представителей специализированных государственных органов, организаций, консульские учреждения, адвокатов и даже издателей и капитанов судов. Полный перенос такого сложного правового института в уголовно-процессуальное право невозможен, поэтому в российском уголовном процессе оформилась «усеченная» модель законного представительства, нацеленная исключительно на обеспечение прав тех групп участников процесса, которые не всегда могут эффективно реализовать право на защиту самостоятельно или даже с обязательным участием защитника. В результате такого подхода, с одной стороны, удалось сохранить общеправовые гарантии для несовершеннолетних и лиц с психическими расстройствами, с другой – нормативная схематичность конструкции законного представительства в российском уголовном процессе привела к целому ряду проблем в правоприменении. Большинство из них так или иначе связано с аморфным процессуальным положением законного представителя.

УПК РФ изолированно регулирует производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и производство о применении принудительных мер медицинского характера, закрепив большинство специальных норм в гл. 50 и 51 соответственно. Хотя оба производства предполагают участие законного представителя, единый универсальный подход к определению процессуального статуса данного участника отсутствует. Эта проблема существовала в ранее действующем уголовно-процессуальном законе [11. С. 250-251], благополучно перешла в УПК РФ и сохраняется уже на протяжении всех лет его действия. В частности, такая нормативная изолированность закономерно усложняет досудебное и судебное производство о применении принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним [9. С. 3-4].

Закрытый перечень лиц, которые могут быть наделены процессуальным статусом законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, получил свое нормативное закрепление в п. 12 ст. 5 УПК РФ. Однако даже этот исчерпывающий перечень сложно признать идеальным. В него не включены, например, приемные родители несовершеннолетнего, осуществляющие полномочия законного представителя. Неясным остается вопрос, кого именно следует понимать под представителем того учреждения или организации, на попечение которого передан несовершеннолетний, в том числе, и в случаях, когда родители такого несовершеннолетнего не лишены в отношении него родительских прав.

Что же касается лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, то очертить круг лиц, которые могут выступать в качестве его законного представителя, можно только путем сложного системного толкования положений ч. 1 ст. 437 УПК РФ, суживающей перечень возможных законных представителей до близких родственников и представителей органа опеки и попечительства, и п. 4 ст. 5 УПК РФ, определяющего, кого следует понимать под близкими родственниками в уголовном процессе, то есть фактически законодатель предусмотрел двух разных субъектов, которые могут именоваться в рамках уголовного судопроизводства законными представителями. Такой подход подвергался критике уже в первые годы после принятия УПК РФ [12. С. 15], однако сохраняется в законе и по сей день. При этом игнорируется, что по своей сути этих «разных» законных представителей объединяет один важный общий момент: в любом случае они не имеют (не должны иметь) в уголовном процессе собственного юридического интереса, а могут и должны действовать только в интересах представляемого ими лица. И здесь сразу обозначается второй блок проблем, связанных как с правами и обязанностями такого представителя, так и с соотношением процессуального статуса законного представителя и процессуальных прав представляемого им лица.

По мнению Н.Ю. Литвинцевой, «процессуальное положение законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства видится весьма схематичным, требующим уточнения целого ряда положений» [6. С. 569]. Соглашаясь с данным тезисом, отметим, что сделанный вывод в полной мере применим и к регламентации процессуального статуса законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. При этом соответствующие Постановления пленумов Верховного Суда РФ [3; 4]

не могут полностью исправить такой подход, так как закономерно нацелены не на устранение недостатков действующего законодательства, а на обеспечение единообразных подходов к толкованию и применению действующих уголовно-процессуальных норм.

Особенностью действующего уголовно-процессуального закона является и отсутствие единого подхода к закреплению процессуальных прав законного представителя. В результате права законного представителя несовершеннолетнего нормативно фиксируются как в ст. 45 УПК РФ, так и в иных статьях кодекса. Права законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, закреплены в ч. 2 ст. 437 УПК РФ, однако значительная часть из них носит не специальный, а общепроцессуальный характер. В частности, это касается, например, права обжалования процессуальных действий и решений, которым в российском уголовном процессе наделяются не только участники, но и иные лица, права которых может затрагивать обжалуемое действие или решение. Безусловно, что такая нормативная конструкция неудобна для правоприменителя, но в целом является допустимой.

Однако, закрепляя права законного представителя, УПК РФ оставляет без ответа другой вопрос – баланса прав законного представителя и представляемого лица. Отсутствие соответствующих нормативных ориентиров заставляет правоприменителя разрешать этот вопрос только путем реализации дискреционных полномочий. При этом органам предварительного расследования и судам приходится оперировать оценочными категориями при определении соответствия процессуальных действий законного представителя интересам представляемого участника.

Неясным остается, например, вопрос о том, чье мнение должен учесть правоприменитель, если законодатель, конструируя соответствующую норму, использовал союз «либо». Наглядным примером такой нормативной неопределенности является ч. 5 ст. 191 УПК РФ. Благодаря позиции Европейского суда по правам человека, изложенной в решении «Романов против России» [1] и позиции Конституционного Суда Российской Федерации, нашедшей отражение в Постановлении № 13-П от 20 ноября 2007 г. [2. Ст. 6030] лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, получило дополнительные процессуальные гарантии личного участия в судебном разбирательстве. Но при этом многие вопросы параллельного участия законного представителя в таком судебном заседании, баланса процессуальных позиций законного представителя и представляемого, определения порядка допроса законного представителя остались нерешенными.

Понимая, что все многообразие правоприменительной практики не может быть уложено в прокрустово ложе самого совершенного закона, тем не менее рискнем предположить, что закрепление в УПК РФ общих подходов к оценке процессуального поведения законного представителя способствовало бы большему единообразию правоприменения и, как минимум, уменьшило бы число отмененных судебных решений в суде апелляционной инстанции.

Следует отметить, что сложности в определении правового положения законного представителя связаны с недостаточной определенностью момента их вступления в уголовное дело. Применительно к несовершеннолетним закон позволяет более четко установить, когда в производстве по уголовному делу должен появиться законный представитель, хотя стадия возбуждения уголовного дела в этом плане регламентирована не лучшим образом.

Кроме того, следует отметить, что большое количество несовершеннолетних длительное время остаются без законного представителя при производстве по уголовному делу. Это бывает связано с несвоевременным определением процессуального статуса, продолжительное время несовершеннолетний имеет статус свидетеля, а не подозреваемого, что приводит к привлечению законного представителя уже в конце производства предварительного расследования. В некоторых случаях неправильная квалификация содеянного позволяет рассматривать несовершеннолетнего в возрасте 14–15 лет как свидетеля, и только впоследствии при окончательной квалификации деяния решать вопрос о допуске законного представителя.

Наиболее неурегулированным остается вопрос о допуске законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности за совершенное преступление, когда оно совершено в смешанной группе, где он выполнял активную роль. Учитывая психологическую зависимость от лиц, с которыми он совершал преступное деяние, их интерес в том, чтобы на него переложить большую часть вины, а также отсутствие основания для реабилитации за совершенное преступление в возрасте, с которого уголовная ответственность не наступает, полагаем, что участие законного представителя указанных несовершеннолетних должно быть обязательным.

Касательно производства о применении принудительных мер медицинского характера, то здесь исследователями справедливо критикуется достаточно широкое следственное усмотрение, не всегда способствующее своевременному вступлению законного представителя в процесс [8. С. 136-142].

Сложность принятия решения о допуске законного представителя лицу, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, связано с тем, что изначально у органов предварительного расследования не будет оснований предполагать о наличии психического расстройства у подозреваемого или обвиняемого и назначение ему судебно-психиатрической экспертизы будет связано с тяжестью содеянного, возможным наличием отягощенной психическими расстройствами наследственности и т.д. Если после ее проведения будет установлено наличие у подэкспертного психического расстройства психотического уровня и необходимости применения к лицу принудительных мер медицинского характера в стационарных условиях, то следует решать вопрос о допуске законного представителя.

Одновременно возникает вопрос, связанный с тем, что указанное лицо не является недееспособным. Заключение судебно-психиатрической экспертизы отвечает на вопрос о наличии у лица психического расстройства и необходимости применения к нему принудительных мер медицинского характера, вопрос дееспособности экспертами не рассматривается, в связи с чем решение вопроса о моменте допуска законного представителя отдается на усмотрение следователя, поскольку заключение судебно-психиатрической экспертизы является оспоримым, оно не может быть использовано для привлечения законного представителя к участию в деле. Здесь же возникает вопрос и о том, что может быть назначена повторная экспертиза, которая даст противоположное заключение, либо суд не согласится с выводами экспертов-психиатров, тогда возникнет вопрос об обоснованности привлечения законного представителя к участию в деле.

Учитывая, что производство о применении принудительных мер медицинского характера ведется в отношении совершеннолетнего лица, которое может быть признано вменяемым, то возникает вопрос о круге лиц, которые могут представлять его интересы таким образом, чтобы обеспечить его защиту, а не воспользоваться возможностью избавиться от лица посредством направления на лечение. Указанный вопрос остался за рамками исследований.

Как отмечалось выше, российский законодатель закрепил в УПК РФ определенный перечень прав законных представителей, но при этом их процессуальные обязанности такого нормативного оформления не получили. Возникает парадоксальная ситуация: законный представитель может быть отстранен от исполнения процессуальных обязанностей, которые прямо в законе не указываются. Суды вынуждены разрешать этот вопрос, ориентируясь на позицию Верховного Суда РФ и системно применять как уголовно-процессуальные, так и иные нормы, регламентирующие обязанности законных представителей. При этом в первую очередь основания отстранения связываются с виновным поведением законного представителя, но в практике встречаются случаи, когда лицо не может исполнять обязанности законного представителя в силу объективных причин, например, по состоянию здоровья.

Обозначенные в данной статье проблемы требуют концептуального подхода и не могут быть решены по привычному алгоритму внесения точечных корректив в действующий уголовно-процессуальный закон. Корректировке последнего должна предшествовать деятельность, направленная на выработку универсальных стандартов участия законного представителя в уголовном процессе, которые, с одной стороны, должны сделать его процессуальное положение более стабильным, с другой – обеспечить определенную гибкость в правоприменении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дело «Романов (Romanov) против Российской Федерации: Постановление ЕСПЧ от 20.10.2005 (жалоба № 63993/00) // СПС «КонсультантПлюс».
2. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева: Постановление Конституционного Суда №13-П от 20 ноября 2007г. // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48. Ст. 6030.
3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
4. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: Постановление Пленума Постановлении от 7 апреля 2011 г. № 6 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Буфетова М.А. Законодательное регулирование и порядок применения принудительных мер медицинского характера по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // *Глаголь Правосудия*. 2014. № 2. С. 11-13.
6. Литвинцева Н.Ю. Законные представители несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // *Известия Байкальского гос. ун-та*. 2017. Т. 27, № 4. С. 569.
7. Марковичева Е.В. Эволюция производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: от Устава уголовного судопроизводства до уголовно-процессуального кодекса РФ // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 7. С. 1433-1439.
8. Осипов А.Л. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: национальное и международно-правовое измерение // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 3. С. 136-142.
9. Ручина А.А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
10. Строгович М.С. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 63.
11. Татьяна Л.Г. Участие законного представителя в уголовном процессе // *Юридическая наука и развитие российского государства и права: тез. докл. науч.-практ. конф. (Пермь, 11-12 октября 2001 г.)* / Перм. ун-т. Пермь, 2002. С. 250-251.
12. Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ижевск, 2004.

Поступила в редакцию 23.04.2021

Татьянина Лариса Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: larisa-lisa@mail.ru

Марковичева Елена Викторовна, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник
Научно-исследовательский центр юстиции Российского государственного университета юстиции
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69
E-mail: markovicheva@yandex.ru

L.G. Tatyana, E.V. Markovicheva

PROCEDURAL STATUS OF A LEGAL REPRESENTATIVE IN THE MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-669-673

The article reveals the features of the normative consolidation of the procedural status of a legal representative in the Russian criminal process. The authors focus their attention on the problems of investigative and judicial practice related to the shortcomings of the current legislation. The most important issues that need to be addressed as soon as possible have been identified. Particular attention is drawn to the need to resolve problems arising from conflicts between a legitimate representative and a person represented by him/her, which gives rise, on the one hand, to grounds for appealing against decisions made, and on the other, to a conflict between the parties, which may affect their subsequent relationship. The absence of a single rule regulating the rights of legal representatives raises questions in practice about the possibility of their participation in individual investigative and procedural actions, applications, etc. Attention is drawn to the lack of regulation in the law of the duties of a legal representative in criminal proceedings, which creates controversial situations when assessing their behavior, especially when deciding on their removal from participation in the case. The article concludes that it is necessary to develop a single, universal model of legal representation in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, legal representative, minor, compulsory medical measures.

Received 23.04.2021

Tatyana L.G., Doctor Law, Professor, Head of Department of criminal trial and law-enforcement activity
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: larisa-lisa@mail.ru

Markovicheva E.V., Doctor of Law, Associate Professor, Principal research scientist
Justice Research Center of Russian State University of Justice
Novocheryomushkinskaya st., 69, Moscow, Russia, 117418
E-mail: markovicheva@yandex.ru